

УДК 338

ГЕНЕЗИС ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО МИРА: НОВЫЙ КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

С.В. Мокичев

Аннотация

В статье раскрывается периодизация социального прогресса и на этой основе исследуется постиндустриальная экономическая система. Анализируется методологическая основа становления новой социально-экономической системы, прослеживается формирование глобального экономического, правового и политического пространства и становление нового мирохозяйственного порядка.

Процесс трансформации радикально изменил облик современного общества. Формируется исторически новая экономическая система – постиндустриальная экономика. К настоящему моменту концепция развития постиндустриальной экономики находится на стадии разработки, формируются её основные черты. Новая экономическая система развивается по своим законам. Но, будучи отражением действительности, не может находиться в изоляции от модерна, который задает ей некие предпосылки, основания для постановки новых целей. Экономическая наука модерна открыла всеобщую зависимость экономического процесса и всесторонне развила методологию.

В истории достаточно строго прослеживаются три большие эпохи, образующие триаду «доиндустриальное – индустриальное – постиндустриальное общество». Такая периодизация социального прогресса основана на нескольких критериях, а постиндустриальное общество противопоставляется индустриальному и доиндустриальному по трем важнейшим параметрам:

- *основному производственному ресурсу* (в постиндустриальном обществе им является информация, в индустриальном – энергия, в доиндустриальном – первичные условия производства, сырье);

- *типу производственной деятельности* (он рассматривается в постиндустриальном обществе как *последовательная обработка* (processing) в противоположность *изготовлению* (fabrication) и добыче (extraction) на более ранних ступенях развития);

- *характеру базовых технологий* (определяющихся в постиндустриальном обществе как *наукоемкие*, в эпоху индустриализма – как *капиталоемкие* и в доиндустриальный период – как *трудоемкие*).

Именно эта схема позволяет сформулировать известное положение о трех обществах, согласно которому доиндустриальное общество базируется на взаи-

модействии человека с природой, индустриальное – на взаимодействии с преобразованной природой, а постиндустриальное общество – на взаимодействии между людьми.

Отмечая, что в пределах указанных трех эпох складываются и функционируют преимущественно естественные, технологические и социальные по форме сообщества людей, постиндустриалисты обращают внимание на характер личностных взаимоотношений, типичных для каждого из этих периодов. Так, в доиндустриальных обществах важнейшим аспектом социальной связи была имитация действий других людей, в индустриальном – усвоение знаний и возможностей прошлых поколений, в постиндустриальном же обществе интерперсональные взаимодействия становятся подлинно комплексными, что и определяет новые свойства всех элементов социально-экономической структуры.

О совершенстве постиндустриальной теории свидетельствует и то, что её сторонники не дают четкого определения отдельных типов общества и не указывают их хронологических границ. Более того, они последовательно подчеркивают эволюционность перехода от одного типа социума к другому и преемственность всех трех этапов социальной эволюции. Новый тип общества не замещает предшествующие формы, а главным образом сосуществует с ними, усугубляя комплексность общества, усложняя социальную структуру и внося новые элементы в саму её природу. Поэтому переходы от одного общественно-го состояния к другому не могут носить революционного характера и иметь четкой хронологии.

Анализ социально-экономических систем в этих условиях, несомненно, должен обладать и обладает значительной спецификой; особенно эта специфика важна для анализа трансформационных экономик.

Постиндустриальная экономическая система должна ответить на «вызов» третьего тысячелетия – обеспечить постепенное, нелинейное, но неуклонное движение человечества к доминированию мира культуры, творчества, доступного каждому; мира, в котором общество ответственно за воспроизводство природы.

Методологической основой изучения процесса становления постиндустриальной экономической системы, проясняющего движение человечества к электронной культуре хозяйствования, является постиндустриальная теория, концепция постмодернизма, институциональная теория, ортодоксальная теория, теория эволюционной экономики, а также неоклассическая теория.

При известной методологической и терминологической ограниченности, теория постиндустриализма и её модификации стали широко распространенным инструментом социального анализа, поскольку основные положения постиндустриализма хорошо соответствуют историческому опыту и построены вокруг некоторой технологической оси как отражение прогресса цивилизации.

В теории постиндустриальной экономической системы получила свое воплощение и развитие научная традиция эпохи Просвещения, которая связывала общественный прогресс с последовательным улучшением условий материальной жизни человека. Её важнейшие методологические принципы почерпнуты из позитивистской философии и экономических исследований XIX в., обозначивших признаки индустриальной цивилизации.

Интересна мысль А.В. Бузгалина: «...качественные изменения социумов не происходили в истории последних столетий – от Ренессанса и Просвещения до перестройки – без предшествующего теоретико-культурного ниспровержения основ их существования как экономически, социально, политически, нравственно регрессивных. Именно так расценивали феодальный абсолютизм Просвещение, монархию Романовых – российская интеллигенция, «реальный социализм» – диссидентство» [1].

Методологические принципы теории модернизации, обозначившие признаки индустриальной цивилизации, выделили особенности технологической организации производства, обмена и распределения общественного продукта.

Современный мир, по крайней мере в своих развитых точках, втягивается в переход к новому экономическому, социально-политическому, культурному, международному строю. Для исследования постиндустриальной социально-экономической системы в условиях рождения нового типа общественного производства принципиально важно оценить меру продвижения экономической системы по пути генезиса и развития постэкономических качеств. Новая система существенно отличается от всех существующих ныне обществ прежде всего масштабами и типом производства, таящими в себе как источники огромных материальных благ, так и угрозы невиданных техногенных катастроф. Она отличается также уровнем образования, квалификации, психологией работников, на основе которых могут формироваться высокие потребности, богатая разносторонность личности, гражданственная солидарность, органическая причастность к гуманистической культуре, но могут возникать и необузданный индивидуализм, безответственное своеволие, тяга к неумеренному потреблению, превосходящему возможности общества, неспособность к коллективным действиям и исполнению общественного долга. Описанные еще в классических марксистских работах процессы обобществления труда и роста его производительности привели к зарождению *нового качества общественной деятельности*. Слагаемые этого нового качества уже давно были предсказаны, а ныне подтверждаются практикой. Творческий по своему содержанию труд характеризуется целым рядом свойств, принципиально отличающих его от репродуктивного труда. Среди этих свойств едва ли не важнейшие – превращение саморазвития личности и создания культурных ценностей в главную цель, а возможностей самореализации, самого процесса деятельности – в главный внутренний стимул активности творческого человека [2, с. 60]. Наконец, эта система отличается необходимостью большей гибкости, подвижности, динамизма рынка, экономики вообще, и одновременно их большей регулируемости: потребностью в более демократической, свободной и вместе с тем социально более ответственной политической организации, в глобализации культуры и всего миропорядка.

Если в социально-экономическом, политическом, международном устройстве постиндустриальной системы удастся соединить эти во многом противоречивые свойства, оно будет отличаться от всех предшествующих систем несравнимо большим богатством, более высоким жизненным уровнем народного большинства, социальной стабильностью и международным миром. Если не удастся, противоречивые экономические, политические международные по-

требности, развивающиеся в постиндустриальной системе, породят опасность невиданных в прошлом антагонизмов.

Не будучи тождественной ни одной из известных современных общественных систем, постиндустриальная экономическая система сопряжена с серьёзными экономическими, политическими, социально-культурными преобразованиями, которые можно рассматривать как переход от одной ступени общественного развития на другую.

Преобразования, обеспечивающие становление постиндустриальной экономической системы, во всех странах имеют некое единое ядро, общую для всех составляющую, обусловленную сходством формирующихся порядков. Вместе с тем, вследствие разницы предшествующего развития сдвиги, образующие научно-индустриальный переход, в разных странах отличаются существенным своеобразием. Образно говоря, состояние, к которому тяготеют все развитые современные общества, в модельном смысле (то есть в схеме, а не в деталях) одно и то же; все они движутся, так сказать, к одной точке. Но исходные положения у них не одинаковы, и потому исторические траектории движения к этой точке во многом совершенно различны. Специфика исторического подхода преобразований в решающей мере определяет и конкретное содержание перемен в тех или иных сферах социума, в частности, в социально-экономическом положении, условиях труда, в уровне жизни народного большинства, изменении природы средств производства, предметов и результатов труда: и первым, и вторым, и третьим становятся информация, культурные и природные ценности. Наиболее значимыми для прогресса оказываются качественно новые ресурсы: не прежние массовидные, воспроизводимые и ограниченные (металл и машины, одежда и пища), а всеобщие и одновременно уникальные (новые идеи, Know Now, биосферные объекты).

В наиболее ясном, логически чётком виде предстаёт движение к постиндустриальной экономической системе стран классической буржуазной демократии – таких, как Англия, Франция, США. Именно по отношению к ним особенно уместно говорить о постэкономическом обществе. От доиндустриальной экономики с малограмотным населением и дворянско- или плантаторско-автократической политической системой эти страны (их можно назвать первым эшелонem модернизации и индустриализации) сначала перешли к раннеиндустриальному капитализму с формальной, по существу, верхушечной демократией, с острыми классовыми антагонизмами и колониально-империалистическими устремлениями на международной арене. И лишь потом постепенно, в результате длительной эволюции, обусловленной утверждением зрелой индустриальной экономики, давлением трудящихся, уроками социальных катастроф во многих частях света, опытом мировых войн, духовно-гуманистическим прогрессом, в них сформировались социально-рыночные порядки и государственно-политические системы, обеспечивающие более или менее всеобщее благосостояние, массовое среднее образование, гораздо более широкую, нежели в прошлом, демократию. Общий характер и общую направленность экономической, социальной, исторической эволюции этих стран, сравнительно с другими вариантами развития, удобно иллюстрировать особой схемой, своего рода исторической социогаммой, где их развитие выглядит центральной траекторией,

или, говоря терминами К. Ясперса, осевой линией политико-экономического прогресса в XXI в.

Разумеется, общественная жизнь в странах с развитой демократией и постиндустриальной экономикой отнюдь не лишена несовершенств, бедствий, антагонизмов. Более того, вследствие высокого уровня цивилизованности и высоких потребностей населения социальные и культурные неравенства, безработица, недоступность творческого труда для всех, экономические тяготы, недостатки образования и духовного развития, пошлость массовой культуры, пороки городского быта и т. п. ощущаются здесь с повышенной остротой. Смягчение этих противоречий, равно как и проведение социальных реформ, вообще придание большей гибкости социально-экономическим отношениям, более тесное соединение в них начал частной активности и общественного регулирования составляют необходимое условие окончательного перехода западных стран к постиндустриальной экономической системе. Без подобных перемен научно-индустриальное производство не получит полного развития и станет не столько источником процветания, сколько основой социальной дестабилизации и мировых катаклизмов. Так что и в наиболее развитых рыночно-демократических обществах постиндустриальный переход сопряжён с немалыми сложностями и опасностями. То обстоятельство, что обновленческий прорыв в конце 1960-х и в 1970-е гг. был достигнут лишь под напором «молодёжной революции» и ударов рабочего движения, наглядно показывает, какие потрясения приходится (и ещё не раз придётся) испытывать Западу в процессе перехода к постиндустриальной социально-экономической системе.

Теоретическая парадигма исследования социальных систем с наибольшей полнотой представлена в работах одного из крупнейших обществоведов XX в. Т. Парсонса [3]. Согласно Парсонсу, все реально сложившиеся общественные организмы обладают свойствами социальных систем. Главное из них – сохранение целостности и границ социальной системы в ходе взаимодействия её частей.

Мировой исторический опыт убеждает, что главными объектами макросоциальных изменений выступают существующие национальные сообщества, отличающиеся своеобразием структуры национальной экономики, сложившейся стратификационной структуры (системы), национальной культуры, политического и правового устройств.

До середины 1970-х гг. предпочтение отдавалось понятиям, в которых использовался префикс «пост»: «постбуржуазный», «посткапиталистический», «пострыночный», «постцивилизационный», «постисторический» [4, 5].

Истоки понятия «постиндустриальное общество» вряд ли могут быть определены с достаточной точностью. С большей вероятностью можно утверждать, что термин «постиндустриализм» был введён в научный оборот А. Кумарасвами, автором ряда работ по доиндустриальному развитию азиатских стран [6].

Впоследствии, с 1916 г. или 1917 г., он достаточно активно использовался теоретиком английского либерального социализма А. Пенти, который даже выносил его в заглавие своих книг [7], обозначал таким образом идеальное общество, где принципы автономного и даже полукустарного производства ока-

зываются возрождены ради преодоления конфликтов, присущих индустриальной системе.

В 1958 г. американский социолог Д. Рисман реанимирует термин «постиндустриальное общество», используя его в заглавии одной из статей.

В 1959 г. профессор Гарвардского университета Д. Белл, выступая на международном социологическом семинаре в Зальцбурге, впервые употребил понятие постиндустриального общества в широко признанном теперь значении – для обозначения социализма, в котором постиндустриальный сектор теряет ведущую роль вследствие возрастающей технологизации, а основной производительной силой становится наука.

С середины 1970-х гг. акцент сместился на поиск более частных терминов, подчёркивающих одну или несколько важнейших тенденций в социальном развитии. Были также термины: «организованный», «конвенциональный», «программируемое» общество, «активное», «справедливое» общество.

Более глубокий анализ данных понятий показал их поверхностный, несущественный характер. Как отметил А. Тоффлер, все определения будущей экономической системы не являются удачными [8].

На фоне всех известных определений, по мнению известного исследователя данной проблемы В.Л. Иноземцева [9], понятие постиндустриального общества оказывается наиболее совершенным. Оно акцентирует внимание на том основном качестве, которое преодолевается в формирующемся обществе, а именно, на индустриальной природе прежнего способа производства.

В 1973 г. вышла книга Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество» [10], в которой понятие постиндустриального общества обосновано в теории технологического развития.

В 1960–1970-е гг. исследования О. Белла, Г. Кана, К. Томинаби, Р. Дарендорфа и многих других авторов привели к глубокому осознанию радикально изменившегося характера современного общества. Основу этих изменений большинство исследователей видели в повышении роли науки и беспрецедентных технологических сдвигах.

Однако ряд исследователей не просто отвергают постиндустриальную экономическую систему и обуславливающую её глобализацию в целом, но и предпринимается поиск или альтернативы этому процессу, или варианта, альтернативного господствующей (mainstream) модели глобализации. Эту ситуацию можно сравнить с общим пониманием проблем развития (development thinking), где традиционный поиск «другого развития» (other development) сочетается ныне с идеей отрицания развития (alternatives to development), что, кстати, сигнализирует о глубинной связи этих двух тем, далеко не полно осмысленных глобалистикой и поэтому по старинке сводимых в духе социоцентризма к так называемому мировому (international, world) развитию [11].

В развитии теории постиндустриальной экономической системы важная роль отводится школе международной политической экономии, получившая наибольшее распространение в англосаксонских странах. Представители этого направления (С. Стрендж, Э. Хеллайнер, Р. Андерхилл, Ф. Черни, Л. Вейс, Т. Пемпел, Т. Скопол, П. Эвенс, Д. Хелд, П. Катценштейн) исходят из возросшей роли экономических вопросов в межгосударственных отношениях [12].

В своих работах они сосредоточиваются на анализе взаимодействия внешней политики и мирохозяйственных процессов, прослеживают формирование глобального экономического, правового и политического пространства и становление нового мирохозяйственного порядка.

В 1980-е гг. трансформация прошла под знаком осмысления социальных последствий постиндустриализма. В это время в центре внимания находились вопросы классового конфликта и анализ экологических проблем.

В 1990-е гг. появилось множество работ, посвященных организации корпорации в постиндустриальном обществе, инвестиционным процессам и взаимодействию развитых стран с «третьим миром». Принципиальную значимость здесь имеет феномен национальной общности целостности. Он связан с устойчивым воспроизводством институциональных ограничений, в рамках которых происходит взаимодействие в определенных локальных границах всех процессов общественной жизни – экономических, политических, культурных, демографических, этнических и др.

В то же время и проблема более крупных макросоциальных экономических систем, в числе которых выступают группы национальных сообществ и все мировое сообщество, также, в конечном счете, сводятся к проблемам систем конкретных национальных сообществ. Во всяком случае, именно параметры их состояния главным образом служат индикаторами состояния глобализируемого мирового сообщества и его составных частей.

Взаимоотношения между всеми цивилизациями в реальном пространственно-временном измерении в первую очередь проявляются через согласование или, наоборот, столкновение интересов различных суверенных государств, представляющих определенные национальные сообщества [13].

В 1980–1990-е гг. Россия столкнулась с системным кризисом, охватившим все сферы жизни – экономику, политику, идеологию. По существу, в стране одновременно протекало несколько хотя и взаимосвязанных, но всё же существенно различающихся кризисных процессов. Россия прошла через длительный макроэкономический кризис, через системную трансформацию коммунистических институтов в институты рыночной демократии. Процессы трансформации происходили в форме полномасштабной социальной революции, т. е. сопровождалась сломом институтов государственной власти, которая на время потеряла контроль за развитием ситуации в стране [14].

Однако эти подвижки при всей их важности лишь «обволакивали» более глубокие процессы, с которыми столкнулась страна и которые привели к её кризису. В последней трети минувшего столетия перед Советским Союзом в полный рост встали проблемы кризиса индустриального общества. Как показывает опыт западных стран 1970-х гг., преодоление порога между индустриальным и постиндустриальным обществами сопровождается тяжёлыми структурным и макроэкономическим кризисами. СССР благодаря выгодной внешнеэкономической конъюнктуре смог отсрочить начало структурной адаптации, но тем болезненнее она оказалась тогда, когда стала абсолютно неизбежной. Структурный кризис советской хозяйственной системы, который в полной мере выразился в масштабном спаде уже российской экономики, стал проявлени-

ем тех же процессов, что на Западе происходили на полтора-два десятилетия раньше [15, 16].

Благоприятная конъюнктура цен на энергоносители не только позволила несколько отсрочить начало структурной адаптации советского общества, но и стала фактором его дестабилизации. СССР попытался совершить рывок, не отставать от трансформировавшегося Запада. Но этот рывок в технологиях не был подкреплён адаптацией институтов, что привело к взрыву системы.

Отправной точкой для нашего анализа является достаточно очевидный тезис о том, что в последней трети XX в. СССР столкнулся с кризисом индустриальной системы и в настоящее время перед Россией стоит задача продвижения в направлении постиндустриального общества. Поскольку же имеет место существенное технологическое и экономическое отставание России от наиболее передовых стран (что измеряется показателями среднедушевого ВВП или производительности труда), то перед нами со всей остротой встаёт проблема преодоления этого разрыва, или догоняющего развития.

Таким образом, на рубеже XX – XXI вв. Россия столкнулась с проблемами, схожими с теми, которые стояли перед ней на рубеже XIX – XX вв. Впрочем, в отличие от ситуации столетней давности в настоящее время поднимается вопрос не о догоняющей индустриализации [17], а о догоняющей постиндустриализации. Именно в этом состоит ключевая долгосрочная проблема развития российского общества. И именно решение задачи сокращения и преодоления отставания от наиболее развитых стран мира может и должно стать центральной идеей, объединяющей общество, его элиту и различные группы интересов.

Мы должны с самого начала ограничить объект нашего исследования проблемами специфики догоняющего развития в индустриальном и постиндустриальном мире. Хотя термин «догоняющее развитие» не вполне удачен. Он неточно отражает характер задач, которые должна решать страна.

Становление концепции постиндустриальной экономической системы началось с оценки реальных явлений, кардинально изменяющих лицо западного мира. С момента своего возникновения и по сей день постиндустриальная теория сохраняет последовательно материалистический характер, черпая новые источники своего развития в конкретных фактах и тенденциях. В рамках данной концепции эмпирический материал всегда был и остаётся первичным по отношению к теоретическим постулатам и общеметодологическим конструкциям, что выгодно отличает её от обществоведческих теорий, распространённых в среде современных марксистов.

Между тем следует отметить, что доктрина постиндустриализма выступает в ряде аспектов как излишне объективистская, так как не даёт исследователю инструмента анализа причин того развития, которое привело к становлению индустриального, а позднее и постиндустриального общества. Переход от одной формы общества к другой рассматривается, скорее как данность, а не как процесс, обладающий внутренней логикой и противоречиями. Фактически не предлагая комплексной оценки процессов перехода от доиндустриального общества к индустриальному, не сопоставляя его с процессом становления постиндустриального общества, концепция постиндустриализма фиксирует и объясняет лишь современные и социальные трансформации, не пытаясь при-

менить полученные результаты для построения глобальной социологической теории, что делает многие её положения и выводы несколько поверхностными. Однако, завершая оценку концепции постиндустриализма, отметим, что её успехи на протяжении 1960–1990-х гг. не оставляют повода для сомнений в том, что на заложенных основах в ближайшее время будут сделаны новые теоретические обобщения.

Итак, эволюционная теория в отличие от неоклассической ориентируется на изучении особенностей технологически прогрессирующей экономики. Тем не менее, именно неоклассика господствует в современной фундаментальной экономической науке, тогда как эволюционная теория занимает периферийное положение. Для выяснения причин столь странного соотношения сил в экономической науке требуется специальный анализ [18]. Ограничимся здесь тремя замечаниями.

Первое. Мы полагаем, что будущее развитие экономической науки пойдёт по пути синтеза эволюционной и неоклассической теории. Вероятно, в рамках этого синтеза неоклассика сконцентрирует внимание на решении задач экономической динамики, прежде всего, основанной на переходных процессах (смены технологии и т. д.). По нашему мнению, базой для такого синтеза может стать более глубокое понимание особенностей неравновесных процессов, предопределяющих смену технологий и видов продукции.

Второе. Парадокс современного постиндустриального общества свидетельствует о том, что представители технологического (инновационного) бизнеса в странах Запада вполне могут обходиться без услуг фундаментальной экономической науки. Создаётся впечатление, что противостояние неоклассической и эволюционной теорий имеет, скорее, познавательное, нежели практическое значение. На самом деле это не так. Значимость эволюционной экономической теории как отрасли фундаментальной науки с течением времени будет возрастать, особенно в странах постиндустриального типа. Одной из центральных задач будущей эволюционной теории может стать оценка различий между производственными и финансовыми инновациями с точки зрения устойчивости экономического развития [19]. Не менее существенны рекомендации фундаментальной экономической науки для стран с переходной экономикой.

Третье. Одной из причин индифферентности реальной экономики к господству неэволюционных (ортодоксальных) теорий в современной фундаментальной экономической науке, на наш взгляд, является то обстоятельство, что за её пределами трудится огромная армия экономистов, обслуживающих различные корпорации, фирмы, финансовые структуры и т. д. Эти специалисты ежедневно решают многочисленные задачи эволюционного типа. По сути, они проводят прикладной эволюционный анализ конкретных аспектов технологического прогресса, в частности, в области высоких технологий [20].

Технологическая парадигма объясняет способы создания иной природы с помощью общественных технологий, которые включают в себя и материальные, и духовные компоненты. Доминанта технологической парадигмы есть отношения человек – техника. Они отображают не только поступательную эволюцию трудовых функций человека от ручного труда к машинному и к современным автоматизированным, самоуправляемым кибернетическим системам,

но и процесс социализации самого человека – изменение его мировоззрения, профессиональных и других привычек, жизненных ориентиров и установлений, социальных позиций, которые превращают человека в социального индивида.

Модерн игнорировал бесконечное разнообразие мира. И был связан с активным вытеснением, отвержением преמודерна – ценностей традиционного общества как отсталых, примитивных, архаичных. Однако «человек оказался менее рациональным и гораздо более архаичным, нежели триумфально утверждали позитивисты... Дух модерна XX в. трагически и постепенно открывал для себя границы своей победы, осознавая её шаткость, так как человек как факт оказался слишком заминирован архетипами предшествующих эпох, глубоко запрограммирован языком, предшествующим модерну» [21].

В эпоху модерна человек пришел к пониманию ценности собственных усилий, ценности инициативы в повседневной жизни, у него появилась новая, научная организация мышления – основа созидательных усилий в индустриальном обществе.

Но развитие модерна, как и свойственно научному знанию, содержало в себе и свое отрицание. Эпоха, сделавшая своим девизом *cogito ergo sum*, выдвинула на передний план сознательное в человеке, оттеснив бессознательное и тем самым обеднив представление о мире и самом человеке.

В ходе истории стала ясна необходимость сочетания знания научного и вненаучного, понимания мира в его многомерности, учета социально-экономической стороны развития не только европейской, но и всех других цивилизаций, наконец, дали о себе знать экологические проблемы, ограничивающие вмешательство человека в природу. Все это подготовило почву для следующего этапа познания мира – постмодерна.

Представления о современном обществе как постиндустриальном были систематизированы в стройную концепцию с середины 1970-х гг., когда прежняя модель развития стран Запада и мирового хозяйства оказалась в глубоком кризисе. Государственное стимулирование спроса («общество благосостояния», гонка вооружений и т. п.) во многом исчерпало себя. Эскалация научно-технических достижений открывала невиданные ранее горизонты, но и ставила множество беспрецедентных проблем. Распад колониальной системы и начавшееся самостоятельное развитие освободившихся стран подрывали прежние устои мирового хозяйства. Наконец, Соединенные Штаты, Западная Европа и Япония развиваются в едином направлении, объективно заданном логикой технологического прогресса. Назрел вопрос о новом мирохозяйственном порядке.

Формирование нового международного порядка характеризуется, прежде всего, углублением и расширением пропасти, отделяющей постиндустриальные страны от остального мира. Фундаментальной основой этих важнейших процессов является вызревающий в наиболее развитых странах качественно новый тип технологического и хозяйственного уклада, в котором роль главного производственного ресурса начинают играть информация и знания, усиление влияния научной и инновационной деятельности, образования, наукоемких и информационных технологий на экономику, государство и общество и обретение ими качественно новых характеристик и механизмов функционирования.

Появляется множество конкретных исследований социальных и культурных факторов, влияющих на структуру спроса, занятости, на организацию производства в постиндустриальной экономической системе. Представители этого направления (М. Грановетер, М. Кастельс, Р. Сведберг, А. Сен, А. Турен, Р. Холлингсворт, Ф. Шмиттер, В. Штрек, А. Этциони и др.) в своем понимании деятельности человека и его мотивации выходят за узкие рамки представлений об экономическом человеке и внутренней логики развития экономических категорий и задаются более общими вопросами о неразрывной связи экономики с другими сферами общественной жизни, обусловленности экономических процессов совокупностью общественных институтов [22, 23]. При этом к институтам относятся господствующие в обществе системы ценностей, приоритеты, традиции, мораль, этика.

Отношение к институционализму составляет основную суть проблемы и одновременно возможный объект разногласий. Исторический институционализм Т. Веблена или Дж.Р. Коммонса – это откровенно холистический подход, имеющий множество пересечений с теорией групповых интересов А. Бентли и Д. Трумена. По мнению А. Бентли, человеческие действия можно объяснить только на основе триады «группа – интерес – деятельность».

Со своей стороны, Д. Трумен показал, что разнообразие и настоятельность интересов в современном обществе обуславливают необходимость коллективного действия [24].

Критика этих концепций дана Ж. Сапиром [25].

Тем не менее считается, что становление нового общества пришлось на период с начала 70-х до конца 80-х гг. прошлого столетия, хотя отдельные тенденции (например, динамика занятости, обеспечивающая доминирование сферы услуг над материальным производством) стали формироваться сразу после Второй мировой войны. Преодоление индустриального общественного уклада рассматривается при этом как глобальная трансформация, не сводимая к одним только технологическим нововведениям. Не отрицая наличия классовых противоречий, постиндустриальная теория акцентирует внимание на процессах, которые воздействуют на социум как единое целое.

Создается парадоксальная ситуация, когда целый ряд правовых актов образует институциональную основу рыночной системы, но она «не включается». Поэтому следует согласиться с теми авторами, которые считают, что характер собственности на средства производства не позволяет однозначно идентифицировать экономические системы.

Фактический переход от одной экономической модели (типа) к другой далеко не всегда предваряется трансформацией отношений собственности, но во всех случаях меняется система органов управления народным хозяйством и «правила» их взаимоотношений с рядовыми элементами системы.

Соответственно одним из важнейших факторов, определяющих постиндустриальную экономическую систему, является её масштабность:

- В небольших хозяйственных организациях преобладают вертикальные структурно-управленческие связи.
- В макросистемах – горизонтальные связи.

• Согласно концепции Р. Коуза, стремление к экономии издержек по заключению сделок на рынке объясняет существование иерархических хозяйственных организаций, внутри которых распределение ресурсов происходит административным путем – посредством приказов.

• Другую структуру представляет собой рынок, распределяющий ресурсы на основе ценовых сигналов. Соответственно, транзакции подразделяются на рыночные (транзакции сделок) и управленческие (внутрифирменные) [26].

Представляется, что взаимосвязи элементов в постиндустриальной экономической системе, сложившиеся за последние десятилетия, настолько сложны, что предполагает растущую автономию отдельных сфер отношений и активизацию индивидуальной активности (по Э. Морену). Если учесть, что мироцелостность такого рода конституирована связями, а не составляющими её элементами непосредственно, то есть является полисистемой, то преобразование такого целого через социальную революцию просто исключается в связи с интересами выживания человечества, что не исключает её реальности, ибо сверхсложность означает и сверххрупкость, сверхуязвимость так называемого общества риска.

Как всеобщая система связей, постиндустриальная социально-экономическая система несет тенденцию мироцелостности, но, будучи в то же время системой усложняющихся взаимодействий и их «продуктов», она создает возможность выражения локальных идентичностей всех типов, причем не только в виде их реакций на унификацию. Точнее, такая возможность порождена не глобализацией, но спецификой локальной культурно-исторической почвы.

Постиндустриальная экономическая система предстает как такая взаимосвязанность, которая в принципе соотносит различные идентичности, связуемые общими правилами поведения, а не соотношением их локальных сущностей (essence). Речь идет о совокупности внутренних противоречий, называемых «парадоксом глобализации» и заключающихся в столкновениях – в ходе этого процесса – разновекторных движений, разнокачественных и разнопорядковых образований и идентичностей.

Нерешенность данных вопросов обусловлена теоретической незрелостью содержания постиндустриальной социально-экономической системы.

М. Чешков, анализируя данную проблему, вступает в полемику с И. Валлерстайном. По мнению Валлерстайна, современная целостность, или то, что он называет мир(о)-система, в принципе не делима на отдельные сферы: политику, экономику, культуру. Поэтому, заключает он, теряют основания соответствующие отдельные дисциплины, а эта мировая «бесшовная целостность» подлежит исследованию нового типа – единой социально-исторической наукой. Как видим, он отбрасывает дисциплинарную организацию научного знания, считая таковое неадекватным современному состоянию и мира, и науки. Можно согласиться с этой позицией о том, что мироцелостность действительно не членима на отдельные самодовлеющие части или сферы, но вряд ли можно согласиться с тем, что соответствующие типы общественных отношений утратили свои предметные особенности. Говоря по-другому, в позиции И. Валлерстайна справедливо отрицание «особого», так же как и ошибочна подмена особого отдельным. Если эти наши соображения верны, то дисциплинарные чле-

нения сохраняют свое основание в виде различных предметов, однако они лишены самодостаточности, выступая как части целого, а также знания об этой целостности. Поэтому имеет смысл рассматривать как отдельные дисциплины, так и различные связи между ними, в том числе и «продукты» этих связей, к числу которых относятся представления наддисциплинарного порядка. В итоге, дисциплинарный параметр глобалистики далее разбирается нами по трем направлениям: монодисциплинарном, междисциплинарном и наддисциплинарном. Мы не выделяем специально феномена многодисциплинарности, ибо в нём или сохраняется монодисциплинарность, или же вырабатывается междисциплинарность. Последняя имеет место там, где на скрещении двух или нескольких дисциплин возникает область исследования, предмет которой отличен от предметов взаимодействующих дисциплин.

О *монодисциплинарности* нашей отрасли социально-гуманитарного знания можно судить по двум её дисциплинам, наиболее продвинутым в исследовании глобальной проблематики – экономическим и культурологическим исследованиям. В экономических дисциплинах, включая сюда изучение мировых финансов, эта тематика неразрывно связана с проблемами постиндустриализма и становления нового, информационного общества. Изучая экономические отношения, обусловленные процессом информатизации, теоретическая мысль приходит к выводу о нестоимостном характере новых экономических отношений. Это означает, что классические инструменты экономического анализа, базирующиеся на той или иной разновидности теории стоимости, по меньшей мере ограничены в своих познавательных функциях. Когда же теория (В. Иноземцев, Э. Кочетов) провозглашает преодоление стоимостных отношений и их замещение иными категориями (качество жизни, стратегические эффекты), то здесь можно констатировать выход за пределы экономических дисциплин. Этот выход подкрепляется наблюдениями экономистов, считающих, что их предмет уже невозможно рассматривать вне проблем общества, культуры и человека (см. «антропологизация труда»). Таким образом, экономическая наука как особая дисциплина (или совокупность дисциплин) стремится ввести в свой предмет феномены других дисциплин или тяготеет к союзу с ними или же выходит за свои пределы, предлагая иной предмет новой экономической теории. Так или иначе монодисциплинарность в этом случае существенно изменяется в направлении или многодисциплинарного, или междисциплинарного исследования. Признаем, что на этом пути у экономической теории возникло немало сложных проблем и, в первую очередь, в понимании постстоимостных отношений и мирового разделения труда, не говоря уже о характеристике социальной природы так называемой постэкономики.

В постиндустриальной экономической системе, с одной стороны, усиливается центропериферическое членение мира, но с другой – та же глобализация существенно изменяет структуру данного отношения. Таковое не только усложняется в результате появления центров на периферии и признаков в центре, а также активизации связующих и промежуточных звеньев между этими двумя структурными позициями, но размывается сама четкость этого мирового отношения. Его границы, вернее, границы двух полюсов, становятся подвижными, оба полюса встраиваются друг в друга, усиливается значение обратного воз-

действия периферии на центр, возникает – в силу усложнения всех этих связей – возможность изменения периферийного статуса крупных развивающихся стран.

Постиндустриальная экономическая система предстает как такая взаимосвязанность, которая наиболее рельефно показывает такие её признаки, как:

- радикальное ускорение технического прогресса;
- снижение доли материального производства: уменьшение его доли в совокупном общественном продукте, развитие сектора услуг и информации, изменение мотивов и характера человеческой деятельности;
- появление нового типа вовлекаемых в производство ресурсов;
- существенная модификация всей социальной структуры;
- наличие определенной национальной территории, этнический состав населения, климатические особенности;
- наличие сформировавшегося государственного устройства и легитимизированного нормативного порядка, определяющего законы для самых разных индивидуумов и коллективов в данном обществе;
- ощущение особой идентичности членами национальных сообществ.

Введение представления о качествах экономической системы предполагает определенную группировку, классификацию качеств в экономической системе:

- по типам объектов;
- по уровням рассматриваемых явлений;
- по формам развития собственности;
- по отношениям статики и динамики.

Предполагаемая классификация преследует не общую, а специальную цель: во-первых, здесь рассматриваются только те качества экономической системы, которые определяют различные свойства и отношения экономической системы; во-вторых, задачи этой классификации ограничены тем, чтобы выявить специфику системных качеств и, таким образом охарактеризовать специфику экономической системы.

Summary

S.V. Mokichev. Genesis of postindustrial world: the new context of social-economic system investigation.

The article opens the periods of social progress and investigates the postindustrial economic system on this basis. The methodological basis of new social-economic system is analyzed; the formation of global economic, legal and political space and development of new economic order is traced.

Литература

1. Бузгалин А.В. «Постиндустриальное общество» – тупиковая ветвь социального развития? // Вопросы философии. – 2002. – № 5. – С. 28.
2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Теория социально-экономических трансформаций. (Прошлое, настоящее и будущее экономики «реального социализма» в глобальном постиндустриальном мире). – М.: ТЕИС, 2003. – 680 с.
3. *Parsons T. Social system.* – Routledge Kegan Paul, 1952. = *Парсонс Т. О социальных системах.* – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.

4. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. – М., 1999. – С. 63–106.
5. Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. В.Г. Хорос, В.А. Красильщиков. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 614 с.
6. *Coomaraswamy A.* Essays in post-industrialism: a symposium of prophecy concerning the future of society. – L., 1914.
7. *Penty A.* Post-industrialism. – L., 1922.
8. *Toffler A.* The third wave. – N. Y., 1980. – P. 9.
9. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспектива. – М., 2000. – С. 14.
10. *Bell D.* The coming of post-industrial society. A venture in social forecasting. – N. Y., 1973.
11. Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. – М.: Экономика, 2001. – 295 с.
12. Political economy and the changing global order. – N. Y., 1994.
13. *Хаттингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 608 с.
14. *Мау В.* Экономическо-политические итоги 2001 года и перспективы устойчивого экономического роста // Вопросы экономики. – 2002. – № 1.
15. *Bauman Z.* A post-modern revolution? – From a one-party state to democracy. – Amsterdam: Rodopi, 1993.
16. *Rosser J., Rosser M.* Schumpeterian evolutionary dynamics and collapse of soviet-block socialism // Review of Political Economy. – 1997. – V. 9, No 2.
17. *Нуреев Р.* Экономика развития: модели становления рыночной экономики. – М.: Инфра-М., 2001.
18. *Автономов В.* Единство и многообразие современной экономической теории // В кн.: История экономических учений. – М.: Инфра-М., 2000. – С. 758, 761.
19. *Сорос Дж.* Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. – М., 2001. – С. 378–379.
20. *Маевский В.В.* Эволюционная теория и технологический прогресс // Вопросы экономики. – 2001. – № 11. – С. 6–7.
21. *Дугин А.* Дух постмодерна и новый финансовый порядок // Философия хозяйства. – 1999. – № 1. – С. 95.
22. The Handbook of Economic Sociology. – N. Y., 1994.
23. *Castell M.* The power of identity. – Oxford, 1997.
24. *Truman D.* The governmental process. – N. Y.: A. Knopf., 1958.
25. *Сапир Ж.* К экономической теории неоднородных систем. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – С. 195–200.
26. *Шаститко А.Е.* Неинституциональная экономическая теория. – М., 1999. – С. 321.

Поступила в редакцию
13.10.05

Мокичев Сергей Васильевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики, декан экономического факультета Казанского государственного университета.

E-mail: Sergei.Mokichev@ksu.ru